

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Николай ГУМИЛЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ
ТОМАХ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Регенсбург

1947

Под редакцией и со вступлением
Вяч. Завалишина.

Обложка работы
худ. Симечкевиус и Дражевской.

**ЗНАМЕНОНОСЕЦ
ГЕРОИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ**

Людей, которые бы не знали, что такое страх, в мире нет. Но человек может быть рабом страха или властелином своих судеб. Преодоление страха создает героев.

Николай Гумилев вошел в историю русской литературы как знаменосец героической поэзии.

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам,
И отдыхаю в радостном саду...

Но я приду с мечом своим
(Владеет им не гном),
Я буду вихрем грозovým,
И бурей и огнем...

Сильные, смелые люди, которых влечет мечта к неизведанным краям, появились еще в «Романтических цветах», раннем опубликованном сборнике Гумилева.

Земной мир прекрасен, надо только уметь чувствовать и видеть сияние его искрящихся на солнце красок. Даже в звериных инстинктах человеческой природы есть первобытная чарующая краса.

Гумилев — романтик, но его романтика особенная, она вмещает в себе всю страсть мира, проявившуюся и в героических подвигах и в

приступах осатанелой злобы, с которой человек борется, напрягая и мускулы, и силу воли.

На творчестве Гумилева оказали значительное воздействие Стивенсон, Райдер Хаггард и особенно Редьярд Киплинг. В советской критике, где вульгарный социологизм стал неизлечимым пороком, эта общность чувств и дум объясняется тождеством мировоззрений идеологов воинственного империализма. Как убоги, односторонни и несправедливы подобного рода формулировки.

И Киплинг, и Хаггард, и Гумилев преклоняются перед величием духа не только завоевателей, но и угнетенных. Вспомните «Замбези».

Гумилев выработал чеканный мускулистый стих, где динамическая энергия ритма сочетается с музыкальностью. Гумилев культивировал тоническую систему стихосложения. В этом роде поэзии он не имеет себе равных. Владислав Ходасевич в своих воспоминаниях о Гумилеве утверждает, что изучаемый нами поэт едва ли не самый крупный знаток стиха, более виртуозный и чуткий, чем даже прославленный архитектор поэзии Валерий Брюсов.

Гумилев — подвижник русской культуры, которую он обогатил творческим преображением поэтических идеалов запада. У Гумилева есть много стихотворений, где он выражает

впечатления, возникшие в его душе во время осмотра — не поверхностного, а глубокого и вдумчивого — памятников живописи, старинных соборов средневекового искусства. При этом нас поражает необычность точек зрения и исключительно своеобразный подход к прошлому: на старину Гумилев смотрит не как «физиолог», вскрывающий мумии, а как человек, который хочет, чтобы восторги и страдания, бушевавшие в сердцах мастеров искусств далекого прошлого, были бы и для нас, людей 20-го века, понятными и близкими.

«Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога!»

Любовь к средневековью сочетается у Гумилева с жадной странствий. Поэт путешествует по Африке; возникает новый цикл стихотворений, навеянных негритянским фольклором. Героическая романтика Гумилева становится более земной, жизненно — правдивой. Человек должен учиться преодолевать препятствия, которые стоят на его пути, какими бы тяжелыми эти препятствия не были.

Первая мировая война — новая ступень и в жизни и в творческой деятельности Николая Гумилева. Поэт уходит добровольцем на фронт, в действующую армию. «Он по настоящему любил и интересовался только одной

вещью на свете — поэзией», — пишет о Гумилеве Георгий Иванов. Священная обязанность человека служить родине. Гумилев, награжденный за храбрость двумя георгиевскими крестами, во время войны проявляет себя, как талантливый журналист. Его корреспонденции с фронта дают нам основание заключить, что Гумилев сделал журналистику особым жанром художественной литературы.

Советская критика особенно яростно ополчилась на Гумилева за участие в мировой войне. Приверженцы вульгарной социологии хулигански называли его «цепной собакой кровавой монархии».

Это обвинение и гнусно и жалко.

В стихах о войне Гумилев подчеркивает, что героизм преступно отождествлять с жестокостью. Милосердие к побежденным, уважение к павшим — вот что должно отличать человека, способного на подвиги и на жертву:

Но тому, о Господи, и силы
И победу в светлый час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
На, прими мой братский поцелуй»,

Военные стихи Гумилева знаменательны еще и тем, что поэт, всеми силами души влюбленный в Африку, вышел на просторы русских степей:

Словно молоты громовые,
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

Вся творческая жизнь Гумилева была рыцарским служением русской земле и ее культуре. Когда в России разразилась гражданская война, Гумилев, находившийся за границей, возвращается в Петербург. Святая Русь распята на кресте злобной и страшной стихией. Долг воина объявить вызов силам зла: Гумилев участвует в таганцевском заговоре, пишет прокламации, содействует как агитатор кронштадскому восстанию. Жизнь Гумилева превратилась в эти дни в героическую поэму. Поэт преодолевает не страх, а страдание. Его деятельность окончилась в застенках Ч. К. Когда следователь спросил, почему поэт обнажил меч против советской власти, Гумилев ответил: «Потому что я монархист».

«Не беспокойся обо мне, я чувствую себя прекрасно. Читаю Гомера и пишу стихи» — сообщал Гумилев своей жене, зная, что часы его сочтены. На расстрел он шел улыбаясь и смерть встретил мужественно.

Годы жизни в Петербурге периода гражданской войны и событий, за ней следовавших, придали поэзии Гумилева новую окрас-

ку. Опыяненный гневом мастеровой поднял топор, чтобы разнести в щепы ту культуру, одним из создателей которой был Гумилев. От сознания этого поэтические образы мастера слова приобретают мрачный колорит, творчество становится каким-то нервным, но вместе с тем психологически углубленным.

Правда, и несколько раньше поэта интересуют провалы чувств и дум у людей, изведавших катастрофы судьбы. Такова, например, маленькая поэма «Крест». Герой проигрывает в карты все, что имел. Возбужденный и мрачный, выбегает он на крыльцо, глотая холодный мартовский воздух. Он подавлен поражением. Воображение рисует мрачные перспективы будущего. Герой с ужасом чувствует, что он стал нищим и вынужден бродить по дорогам, выпрашивая кусок хлеба. Ему душно, он распахивает ворот рубахи и видит на груди золотой крест. Герой входит в комнату; где сидят его партнеры, и молча ставит на карту свой крест.

Человек, которого судьба сбрасывает на дно жизни, если не потеряет присутствия духа, в самый тяжелый момент найдет путь к выходу из тупика. Но так бывает не всегда.

Поэзия Гумилева омрачается предчувствием гибели. Поэт создает «Заблудившийся

трамвай», стихотворение, композиция которого имеет отдаленное сходство с «Пьяным кораблем» Артура Рембо. Поэт понял, что недалеко время, когда его голову срубят палач.

Позднее Гумилев перерабатывает драматическую поэму «Гондла», задуманную еще в самом начале творческой деятельности. В хилом теле затравленного грубой силой человека может таиться такое величие духа, которое делает его выше и чище победителей. Точнее, сила и мощь духа превращают побежденного в победителя. В этой идее Гумилев видит величие и красоту учения Христа о любви. «Тело вы можете поработить, но дух свое возьмет».

После смерти Гумилева был опубликован сборник его стихов «К синей звезде».

Поэт героических подвигов оказался нежнейшим и тонким лириком, который много страдал, с болью в душе неся свой крест: «Люди близкие к нему знают, что ничего воинственного, авантюристического в натуре Гумилева не было. В Африке ему было жарко и скучно, на войне мучительно мерзко, в пользу заговора, из-за которого он погиб, он верил очень мало... Он твердо считал, что право называться поэтом принадлежит только тому, кто в любом человеческом деле будет всегда стремиться быть впереди других, кто глубже других, зная человеческие слабости,—эгоизм,

ничтожество, страх должен будет на собственном примере, каждый день, преодолевать в себе «ветхого Адама». И от природы робкий, тихий, болезненный, книжный человек, он приказал себе быть охотником на львов, солдатом, награжденным двумя Георгиями, заговорщиком, рискующим жизнью за восстановление монархии, и то же, что со своей жизнью, он проделал над своей поэзией. Мечтательный, грустный лирик, он сломал свой лиризм, сорвал свой неособенно сильный, но необыкновенно чистый голос, желая вернуть поэзии ее прежнее величие и влияние на души — быть звенящим кинжалом, «жечь сердца людей», —

Так охарактеризовал Гумилева Георгий Иванов, один из наиболее способных учеников его.

Ж Е М Ч У Г А

ЖЕМЧУГ ЧЕРНЫЙ

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Милый мальчик, ты так весел, так светла
твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем
миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта
скрипка,
Что такое темный ужас зачинателя игры.
Тот, кто взял ее однажды в повелительные
руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей.
Духи ада любят слушать эти царственные
звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.
Надо вечно петь и плакать этим струнам,
звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший
смычек,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим
буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.
Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервет-
ся пенье,

И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуть-
ся и вздохнуть, —
Тотчас бешеные волки в кровожадном
изступленьи
В горло вцепятся зубами, станут лапами на
грудь.
Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось
все, что пело,
В очи взглянет запоздалый, но властитель-
ный испуг,
И тоскливый смертный холод обовьет, как
тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.
Мальчик, дальше, здесь не встретишь ни
веселья, ни сокровищ,
Но я вижу, ты смеешься, эти взоры — два
луча...
На, владей волшебной скрипкой, посмотри
в глаза чудовищ,
И погибни славной смертью, страшной
смертью скрипача.

ОДИНОЧЕСТВО

Я спал, и смыла пена белая
Меня с родного корабля,
И в черных водах, помертвевая,
Открылась мне моя земля.

Она полна конями быстрыми
И красным золотом пещер,
Но ночью вспыхивают искрами
Глаза блуждающих пантер.

Там травы славятся узорами
И реки — словно зеркала,
Но рощи полны мандрагорами,
Цветами ужаса и зла.

На синегато-белом мраморе
Я высоко воздвиг маяк,
Чтоб прибегающие на море
Далеко видели мой стяг.

Я предлагал им перья страуса,
Плоды, коралловую нить,
Но ни один стремленья паруса
Не захотел остановить.

Все чтили древнего оракула
И приговор его суда
О том, чтоб вечно сердце плакало
У всех заброшенных сюда.

И надо мною одиночество
Возносит огненную плеть
За то, что древнее пророчество
Мне суждено преодолеть.

КАМЕНЬ

Взгляни, как злобно смотрит камень,
В нем щели странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень;
Не думай, то не светляки!

Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурых королей,
Отмстить какие-то обиды
Его призывали из морей.

Он вышел черный, вышел страшный,
И вот лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.

Летит пустынными полями,
За куст приляжет, подождет,
Сверкнет огнистыми щелями
И снова бросится вперед.

И редко кто бы мог увидеть
Его ночной и тайный путь,
Но берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.

Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз,
Он промолчит и будет с виду
Недвижен, как простой утес.

Но где бы ты не скрылся, спящий,
Тебе его не обмануть,
Тебя отыщет он, летящий,
И дико ринется на грудь.

И ты застонешь в изумленье,
Завидя блеск его огней,
Заслыша шум его паденья
И жалкий треск твоих костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он оставит дом.
И будет страшен труп забытый,
Как пес, раздавленный быком.

И, миновав поля и нивы,
Вернется к берегу он вновь,
Чтоб смыли верные приливы
С него запекшуюся кровь.

ОДЕРЖИМЫЙ

Луна плывет, как круглый щит
Давно убитого героя,
А сердце бьется и стучит,
Уныло чуя роковое.

Чрез дымный луг и хмурый лес
И угрожающее море
Бредет с копьем на перевес
Мое мучительное горе.

Напрасно я спешу к коню,
Хватаю трепетно поводья
И, обезумевший, гоню
Его в ночные половодья.

В болоте темном дикий бой
Для всех останется неведом.
И верх одержит надо мной
Привыкший к сумрачным победам.

Мне сразу хлынет в очи мгла...
На полном бешеном галопе,
Я буду выбит из седла
И покачусь в сырые топи.

Как будет страшен этот час!
Я буду сжат доспехом тесным,
И как всегда о «*coup de grace*»
Я возоплю пред неизвестным,

Я угадаю шаг глухой
В неверной мгле ночного дыма,
Но, как всегда, передо мной
Пройдет неведомое мимо.

И утром встану я один,
А девы, рады играм вешним,
Шепнут: «вот странный паладин,
С душой, измученной нездешним.»

ПОЕДИНОК

В твоём гербе невинность лилий,
В моём — багряные цветы.
И близок бой, рога завыли,
Сверкнули золотом щиты.

Идем, и каждый взгляд упорен,
И ухо ловит каждый звук,
И серебром жемчужных зерен
Блистают перевязи рук.

Я вызван был на поединок
Под звоны бубнов и литавр
Среди смеющихся тропинок,
Как тигр в саду — угрюмый мавр.

Ты — дева-воин песен давних,
Тобой гордятся короли,
Твое копье не знает равных
В пределах моря и земли.

Страшна борьба меж днем и ночью,
Но Богом нам она дана,
Чтоб люди видели воочью
Кому победа суждена.

Клинки столкнулись — отскочили,
И войско в трепете глядит,
Как мы схватились и застыли:
Ты — гибкость стали, я — гранит.

Меня слепит твой взгляд упорный,
Твои сомкнутые уста,
Я задыхаюсь в муке черной,
И побеждает красота.

Я пал... и молнии победней
Сверкнул и в тело впился нож...
Тебе восторг — мой стон последний,
Моя прерывистая дрожь.

И ты уходишь в славе ратной,
Толпа поет тебе хвалы,
Но ты воротись обратно,
Одна, в плаще весенней мглы.

И, под равниной дымно-белой,
Мерцая шлемом золотым,
Найдешь мой труп окоченелый
И снова склонишься над ним.

«Люблю! О, помни это слово,
Я сохраню его всегда,
Тебя убила я живого,
Но не забуду никогда».

Лучи, сокройтесь назад вы...
Но заалела пена рек,
Уходишь ты, с тобою клятвы,
Ненарушимые во век.

Еще не умер звук рыданий,
Еще шуршит твой белый шелк,
А уж ко мне ползет в тумане
Нетерпеливо-жадный волк.

В ПУСТЫНЕ

Давно вода в мехах иссякла,
Но, как собака, не умру:
Я в память дивного Геракла
Сперва отдам себя костру.

И пусть, пылая, жалят сучья,
Грозит чернеющий Эреб,
Какое странное созвучье
У двух враждующих судеб!

Он был героем, я — бродягой,
Он — полубог, я — полужверь,
Но с одинаковой отвагой
Стучим мы в замкнутую дверь.

Пред смертью все, Терсит и Гектор,
Равно ничтожны и славны,
Я также выпью сладкий нектар
В полях лазоревой страны.

ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ

(Картина в Лувре работы неизвестного)

Его глаза — подземные озера,
Покинутые царские чертоги,
Отмечен знаком высшего позора,
Он никогда не говорит о Боге.

Его уста — пурпуровая рана
От лезвия, пропитанного ядом,
Печальные, сомкнувшиеся рано,
Они зовут к непознанным уладам.

И руки — бледный мрамор полнолуний,
В них ужасы неснятого проклятья,
Они ласкали девушек-колдуний
И ведали кровавые распятыя.

Ему в веках достался странный жребий—
Служить мечтой убийцы и поэта,
Быть может, как родился он, на небе
Кровавая растаяла комета.

В его душе столетия обиды,
В его душе печали без названья,
За все сады Мадонны и Киприды
Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,
И нежен цвет его атласной кожи,
Он может улыбаться и смеяться,
Но плакать...плакать больше он не может.

ОСНОВАТЕЛИ

Ромул и Рем взошли на гору,
Холм перед ними был глух и нем;
Ромул сказал: «Здесь будет город».
«Город, как солнце», ответил Рем.

Ромул сказал: «Волей созвездий
Мы обрели наш древний почет».
Рем отвечал: «Что было прежде,
Надо забыть, глянем вперед».

«Здесь будет цирк», промолвил Ромул,
«Здесь будет дом наш, открытый всем».
— «Но надо поставить ближе к дому
Могильные склепы», ответил Рем.

ВЫБОР

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не избежнешь ты доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи! Несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Ветер гонит тучу дыма,
Словно грузного коня,
Вслед за ним неумолимо
Встало зарево огня.

Только в редкие просветы
Темно-бурых тополей
Видны розовые светы
Обезумевших полей.

Ярко вспыхивает маис
С острым запахом смолы
И, шипя и разгораясь,
В пламя падают стволы.

Резкий грохот, тяжкий топот,
Вой, мычанье, визг и рев,
И зловеще-тихий ропот
Закипающих ручьев.

Вон несется слон—пустынник,
Лев стремительно бежит,
Обезьяна держит финик
И пронзительно визжит.

С вепрем стиснутый бок-о-бок,
Легкий волк, душа ловитв,
Зубы белы, взор не робок—
Только время не для битв.

А за ними в дымных пущах
Льется новая волна
Опаленных и ревущих...
Как назвать их имена?

Словно там, под сводом ада,
Дьявол щелкает бичом,
Чтобы грешников громада
Вышла бешеным смерчом.

Все страшней в ночи бессонной,
Все быстрее дикий бег,
И, огнями ослепленный,
Черной кровью обогранный,
Первым гибнет человек.

ЦАРИЦА

Твой лоб в кудрях отлива бронзы,
Как сталь, глаза твои остры,
Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.

Когда Тимур в унылой злобе
Народы бросил к их мете,
Тебя несли в пустынях Гоби
На боевом его щите.

И ты вступила в крепость Агры,
Светла, как древняя Лилит,
Твои веселые онагры
Звенели золотом копыт.

Был вечер тих. Земля молчала.
Едва вздыхали цветники,
Да от зеленого канала,
Взлетая, реяли жуки.

И я следил в тени колонны
Черты алмазного лица
И ждал, коленопреклоненный,
В одежде розовой жреца.

Узорный лук в дугу был согнут,
И, вольность древнюю любя,
Я знал, что мускулы не дрогнут
И острие найдет тебя.

Тогда бы вспыхнуло былое:
Князей торжественный приход,
И пляски в зарослях алоэ,
И дни веселые охот.

Но рот твой, вырезанный строго,
Таил такую смену мук,
Что я в тебе увидел бога
И робко выронил свой лук.

Толпа рабов ко мне метнулась,
Теснясь, волнуясь и крича,
И ты лениво улыбнулась
Стальной секире палача.

ТОВАРИЩ

В. Ю. Эльснеру.

Что-то подходит близко, верно,
Холод томящий в грудь проник,
Каждую ночью в тьме безмерной
Я вижу милый, странный лик.

Старый товарищ, древний ловчий,
Снова встаешь ты с ночного дна,
Тигра смелее, барса ловче,
Сильнее грузного слона.

Помню, все помню; как забуду
Рыжие кудри, крепость рук,
Меч твой, вносивший гибель всюду,
Из рога турьяго твой лук?

Помню и волка; с нами в мире
Вместе бродил он, вместе спал,
Вечером я играл на лире,
А он тихонько подвывал,

Что же случилось? Чьею властью
Вытоптан был наш дикий сад?
Раненый коршун, темной страстью
Товарищ дивный был объят,

Спутанно помню — кровь повсюду,
Душу гнетущий мертвый страх,
Ночь, и героев павших груды,
И труп товарища в волнах.

Что же теперь, сквозь ряд столетий
Выступил ты из смертных чаш,
В смуглых ладонях лук и сети
И на плечах багряный плащ?

Сладостной верю я надежде,
Лгать не умеют сердцу сны,
Скоро увижусь с тобою, как прежде,
В полях неведомой страны.

В БИБЛИОТЕКЕ

О пожелтевшие листы
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль пьянее, чем наркотик!

Мне нынче труден мой урок,
Куда от странной грезы деться,
Я отыскал сейчас цветок
В процессе древнем Жиль де Реца.

Изрезан сетью бледных жил,
Сухой, но тайно благовонный...
Его, наверно, положил
Сюда какой-нибудь влюбленный.

Еще от алых женских губ
Его пылали жарко щеки,
Но взор очей уже был туп
И мысли холодно-жестоки.

И верно дьявольская страсть
В душе вставала, словно пенье,
Что дар любви, цветок, увясть
Был брошен в книге преступленья.

И после, там, в тени аркад,
В великолепии ночи дивной
Кого заметил тусклый взгляд,
Чей крик слышался призывный?

Так много тайн хранит любовь,
Так мучат старые гробницы!
Мне ясно кажется, что кровь
Пятнает многие страницы.

И терн сопутствует венцу,
И бремя жизни — злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, как время!

Мои мечты... они чисты,
А ты, убийца дальний, кто ты?!
О пожелтевшие листы,
Шагреновые переплеты!

В ПУТИ

Кончено время игры,
Дважды цветам не цвести,
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.

Область унынья и слез—
Скалы с обеих сторон
И оголенный утес,
Где распростерся дракон.

Острый хребет его крут,
Вздых его — огненный смерч —
Люди его назовут
Сумрачным именем: Смерть.

Что ж, обратиться нам вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нет, ни за что, ни за что!
Значит настала пора,
Лучше слепое Ничто,
Чем золотое Вчера!

Вынем же меч-кладенец
Дар благосклонных наяд,
Чтоб обрести наконец,
Неотцветающий сад.

СЕМИРАМИДА

(Светлой памяти И. Ф. Анненского.)

Для первых властителей завиден мой
жребий,

И боги не так горды,
Столпами из мрамора в пылающем небе
Укрепились мои сады.

Там рощи с цистернами для розовой влаги,
Голубые нежные мхи,
Рыбы и танцовщицы, и мудрые маги,
Короли четырех стихий.

Все манит и радует, все ясно и близко
Все таит восторг тишины,
Но каждую полночью так страшно и низко
Наклоняется лик луны.

И в сумрачном ужасе от лунного взгляда,
От цепких лунных сетей,
Мне хочется броситься из этого сада
С высоты семисот локтей

ЧИТАТЕЛЬ КНИГ

Читатель книг, и я хотел найти
Мой тихий рай в покорности сознания,
Я их любил, те странные пути,
Где нет надежд и нет воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строк,
В проливы глав вступать нетерпеливо
И наблюдать, как пенится поток,
И слушать гул идущего прилива!

Но вечером... О как она страшна,
Ночная тень за шкафом, за киотом,
И маятник, недвижимый как луна,
Что светит над мерцающим болотом!

АДАМ

Адам, униженный Адам,
Твой бледен лик и взор твой бешен,
Скорбишь ли ты по тем плодам,
Что ты срывал, еще безгрешен?

Скорбишь ли ты о той поре,
Когда, еще ребенок-дева,
В душистый полдень на горе
Перед тобой плясала Ева?

Теперь ты знаешь тяжкий труд
И дуновенье смерти грозной,
Ты знаешь бешенство минут,
Припоминая слово — «поздно».

И боль жестокую, и стыд,
Неутомимый и бесстрастный,
Который медленно томит,
Который мучит сладострастно.

Ты был в раю, но ты был царь,
И честь была тебе порукой,
За счастье, вспыхнувшее встарь,
Надменный вдвое платит мукой.

За то, что не был ты как труп,
Горел, искал и был обманут,
В высоком небе хоры труб
Тебе греметь не перестанут.

В суровой доле будь упрям,
Будь хмурым, бледным и согбенным,
Но не скорби по тем плодам,
Неискупленным и презренным.

ВОИН АГАМЕМНОНА

Смутную душу мою тяготит
Станный и страшный вопрос:
Можно ли жить, если умер Атрид,
Умер на ложе из роз?

Все, что нам снилось всегда и везде,
Наше желанье и страх,
Все отражалось, как в чистой воде,
В этих спокойных очах.

В мышцах жила несказанная мощь,
Сказка — в изгибе колен,
Был он прекрасен, как облако, — вождь
Золотоносных Микен.

Что я? Обломок старинных обид,
Дротик, упавший в траву,
Умер водитель народов, Атрид,
Я же, ничтожный, живу.

Манит прозрачность глубоких озер,
Смотрит с укором заря,
Тягостен, тягостен этот позор,
Жить, потерявши царя!

ВАРВАРЫ

Когда застонала страна под немилостью
Божьей,
И варвары в город вошли молчаливой
толпою,
На площади людной царица поставила ложе:
Суровых врагов ожидала царица нагою.

Трубили герольды, по ветру рвались знамена,
Как листья осенние, прелые, бурые листья,
Роскошные груди восточных шелков
и виссона
С краев украшали литые из золота кисти.

Царица была, как пантера суровых безлюдий,
С глазами-провалами темного дикого
счастья,
Под сеткой жемчужной вздымались дивные
грудь,
На смуглых руках и ногах колыхались
запястья,

И зов ее мчался, как звоны серебряной
лютни:
«Идите герои, несущие копья и пращи!
Нигде, никогда не найти вам жены
безприютней,
Чьи б жалкие стоны вам были желанней
и слаще!

Идите герои, окованы медью и сталью!
Пусть в бедное тело вопьются свирепые
гвозди,
И бешенством ваши нальются сердца
и печалью
И будут красней виноградных пурпуровых
гроздий!

Давно я ждала вас, могучие грубые люди,
Мечтала, любуясь на зарево ваших становищ;
Идите — терзайте для муки расцветшие
груди;
Герольд протрубит! Не жалеите заветных
сокровищ!

Серебряный рог, изукращенный костью
слоновой,
На бронзовом блюде рабы протянули
герольду;
Но варвары севера хмурили гордые брови:
Они вспоминали скитанья по снегу и по
льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
В зеленых тущобах веселые щебеты
птичьи,
И царственно-синие девичьи взоры и
струны,
Которыми скальды гремели о женском
величьи

Кипела, сверкала народом широкая площадь,
И южное небо открыло свой огненный веер,
Но хмурый начальник сдержал опененную
лошадь,
С надменной улыбкой войска повернул
он на север.

В мой мозг, в мой гордый мозг пробрались
В мой мозг, в мой гордый мозг собрались
думы,
Как воры ночью в тихий мрак предместий,
Как коршуны, зловещи и угрюмы,
Они, столпившись, требовали мести.

Я был один. Мечты мои бежали,
Мои глаза раскрылись от волненья,
И я читал на, призрачной скрижали
Мои слова, дела и преступленья.

За то, что я холодными глазами
Смотрел на игры смелых и победных,
За то, что я кровавыми устами
Касался уст трепещущих и бледных,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком стройны,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Обманывали, были беспокойны, —

За все теперь настало время мести,
Мой лживый, нежный храм слепцы разру-
шат,
И думы, воры в тишине предместий,
Как нищего во мгле, меня задушат.

ТЕАТР

Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы — смешные актеры
В театре Господа Бога.

Бог воссѣдает на троне,
Смотрит, смеясь, на подмостки,
Звезды на пышном хитоне,
Позолоченные блески.

Так хорошо и привольно
В ложе предвечного света,
Дева Мария довольна,
Смотрит, склоняясь в либретто:

—Гамлет? Он должен быть бледным.
Каин? Тот должен быть грубым...
Зрители внемяют победным
Солнечным, ангельским трубам.

Бог, наклонясь, наблюдает,
К пьесе он полон участия. —
Жаль, если Каин рыдает,
Гамлет изведает счастье!

Так не должно быть по плану!
Чтобы блюсти упущенья,
Боли, глухому титану,
Вверил он ход представленья.

Боль вознеслася горою,
Хитрой раскинулась сетью,
Всех утомленных игрою,
Хлещет кровавою плетью.

Множатся пытки и казни...
И возрастает тревога,
Что, коль не кончится праздник
В театре Господа Бога?!

ПОТОМКИ КАИНА

Сонет.

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев — все запретные труды,
Для девушек — янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древняго соблазна.

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

ДОН-ЖУАН

Сонет.

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя,
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новыя уста;

А в старости принять завет Христа, —
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей, —

Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

ПОПУГАЙ

Сонет.

Я—попугай с Антильских островов,
Но я живу в квадратной келье мага,
Вокруг — реторты, глобусы, бумага,
И кашель старика, и бой часов.

Пусть в час заклятий, в вихре голосов
И в блеске глаз мерцающих, как шпага,
Ерошат крылья ужас и отвага
И я сражаюсь с призраками сов...

Пусть! Но едва под этот свод унылый
Войдет гадать о картах иль о милой
Распутник в раззолоченном плаще,—

Мне грезится корабль в тиши залива,
Я вспоминаю солнце... и вотще
Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

СОН АДАМА

От плясок и песен усталый Адам
Заснул, неразумный, у Древа Познания,
Над ним ослепительных звезд трепетанья,
Лиловые тени скользят по лугам,
И дух его сонный летит над лугами,
Внезапно настигнут зловещими снами.

Он видит пылающий ангельский меч,
Что жалит нещадно его и подругу,
И гонит из рая в суровую вьюгу,
Где нечем прикрыть им ни бедер, ни плеч...
Как звери, должны они строить жилище,
Пращей и дубиной искать себе пищи.

Обитель труда и болезней...но здесь
Впервые постиг он с подругой единство,
Подруге — блаженство и боль материнства,
И заступ ему, чтобы вскапывать весь,
Служеньем иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вот новые люди... очерчен их рот,
Их взоры, не блещут, и смех их случаен,
За вепрями сильный охотится Каин,
И Авель собирает маслины и мед;
Но воле не служат они патриаршей,
Пал младший, и в ужасе кроется старший.

И многое видит смущенный Адам;
Он тонет душою в распутстве и неге,

Он ищет спасенья в надежном ковчеге
И строится снова, суров и упрям,
Медлительный пахарь, и воин, и всадник...
Но Бог охраняет его виноградник.

На бурный поток наложил он узду,
Бессонною мыслью постиг равновесье,
Как ястреб врезается он в поднебесье,
У косной земли отнимает руду,
Покорны и тихи, хранят ему книги
Напевы поэтов и тайны религий.

И в ночь волхований на пышные мхи
К нему для объятий нисходят сильфиды,
К услугам его отомщать за обиды —
И звездные духи и духи стихий,
И к солнечным скалам из грозной пучины
Влекут его челн голубые дельфины.

Он любит забавы опасной игры—
Искать в океанах безвестные страны,
Ступать безразсудно на волчьи поляны
И видеть равнину с высокой горы,
Где с узких тропинок срываются козы
И душныя, красныя клонятся розы.

Он любит и скрежет стального резца,
Дробящего глыбистый мрамор для статуй,
И девственный холод зари розовой,
И нежный овал молодого лица,—
Когда на холсте под ударами кисти
Ложатся они и светлей и лучистей.

Устанет и к небу возводит свой взор,
Слепой и кощунственный взор человека, —
Там, Богом раскинут от века до века,
Мерцает над ним многозвездный шатер.
Святыми ночами, спокойный и строгий,
Он клонит колена и грезит о Боге.

Он новыя мысли, как светлых гостей,
Всегда ожидает из розовой дали,
А с ними, как новые звезды, печали
Еще неизведанных дум и страстей,
Провалы в мечтаньях и ужас в искусстве,
Чтоб сердце болело от тяжких предчувствий.

И кроткая Ева, игрушка богов,
Когда-то ребенок, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
В зловещем мерцаньи ея жемчугов,
Предвестница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобных, и хмурых несчастий.

Так золото манит и радует взгляд,
Но в золоте темные силы таятся,
Они управляют рукой святотатца
И в братские кубки вливают свой яд;
Не в силах насытить, смеются и мучат,
И столам, и крикам неистовым учат.

Он борется с нею. Коварный, как змей,
Ее он опутал сетями соблазна,
Вот Ева блудница, лепечет бессвязно,
Вот Ева святая с печалью очей,

То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая.

И он, наконец, безпредельно устал,
Устал и смеяться и плакать без цели,
Как лебеди, стаи веков пролетели,
Играли и пели, он их не слышал,
Спокойный и строгий, на мраморных скалах,
Он молится Смерти, богине усталых:

«Узнай, Благодатная, волю мою,
На степи земная, на море земное,
На скорбное сердце мое заревое,
Пролей смертоносную влагу свою,
Довольно бороться с безумьем и страхом,
Рожденный из праха, да буду я прахом!»

И медленно рея багровым хвостом,
Помчалась к земле голубая комета,
И страшно Адаму и больно от света,
И рвет ему мозг нескончаемый гром,
Вот огненный смерч перед ним закрутился,
Он дрогнул и крикнул...и вдруг пробудился.

Направо сверкает и пенится Тигр,
Налево — зеленые воды Ефрата,
Долина серебряным блеском объята,
Тенистые отмели манят для игр,
И Ева кричит из весеннего сада —
«Ты спал и проснулся. я рада, я рада».

ЖЕМЧУГ СЕРЫЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ

1. У берега.

Сердце — улей, полный сотами,
Золотыми, несравненными!
Я борюсь с водоворотами
И клокочущими пенами.

Я трирему с грудью острою
В буре бешеной измучаю,
Но домчусь к родному острову
С грозовою сизой тучею.

Я войду в дома просторные,
Сердце встречами обрадую
И забуду годы черные,
Проведенные с Палладоем.

Так! Но кто, подобный коршуну,
Над моей душою носится,
Словно манит к року горшему,
С новой кручи в бездну броситься?

В корабле раскрылись трещины,
Море взрыто ураганами,
Берега, что мне обещаны,
Исчезают за туманами.

И шепчу я, робко слушая
Вой над водною пустынею:
— «Нет, союза не нарушу я
С необорною богинею».

2. Избиенье женихов.

Только над городом месяц двурогий
Остро прорезал вечернюю мглу,
Встал Одиссей на высоком пороге,
В грудь Антиноя он бросил стрелу.

Чаша упала из рук Антиноя,
Очи окутал кровавый туман,
Легкая дрожь... и не стало героя,
Лучшего юноши греческих стран.

Схвачены ужасом, встали другие,
Робко хватаясь за щит и за меч,
Тщетно! Уверенны стрелы стальные,
Злобно-насмешлива царская речь:

«Что же, князя знаменитой Итаки,
Что не спешите вы встретить царя,
Жертвенной кровью священные знаки
Запечатлеть у его алтаря?»

«Вы истребляли под грохот тимпанов
Все, что мне было богами дано,
Тучных быков, круторогих баранов,
С кипрских холмов золотое вино».

«Льстивые речи шептать Пенелопе,
Ночью ласкать похотливых рабынь,
Слаще, чем биться под музыку копий,
Плавать над ужасом водных пустынь!»

«Что? Вы хотите платить за обиды?
Ваши дворцы предлагаете мне?
Я бы не принял и всей Атлантиды,
Всех городов, погребенных на дне!»

«Звонко поют окрыленные стрелы,
Мерно блестит угрожающий меч,
Все вы, князья, и трусливый, и смелый,
Белою грудью готовитесь лечь.»

«Вот Евримах, низкорослый и тучный,
Бледен... бледнее он мраморных стен,
В ужасе бьется, как овод докучный,
Юною девой захваченный в плен».

«Вот Антином... разъяренные взгляды...
Сам он громаден и грузен, как слон,
Был бы он первым героем Эллады,
Если бы с нами отплыл в Илион».

«Падают, падают тигры и лани
И никогда не поднимутся вновь,
Что это? Брошены красные ткани,
Или, дымясь, растекается кровь?

«Ну, собирайся со мною в дорогу,
Юноша светлый, мой сын Телемах,
Надо служить беспощадному богу,
Богу Тревоги на черных путях».

«Снова полюбим влекущую даль мы
И золотой от луны горизонт,
Снова увидим священные пальмы
И опененный клокочущий Понт».

«Пусть незапятнано ложе царицы,
Грешные к ней прикасались мечты,
Чайки белей и невинней — зарницы
Темной и страшной ее красоты.»

3. Одиссей у Лаэрта.

Еще один старинный долг,
Мой рок, еще один священный!
Я не убийца, я не волк,
Я чести сторож неизменный.

Лица морщинистого черт
В уме не стерли вихри жизни,
Тебя приветствую, Лаэрт,
В твоей задумчивой отчизне.

Смотрю; украсили сады
Холмов утесистые скаты,
Какие спелые плоды,
Как сладок запах свежей мяты!

Я слезы кротости пролью,
Я сердце к счастью приневолю,
Я земно кланяюсь ручью
И бедной хижине, и полю.

И сладко мне, и больно мне
Сидеть с тобой на козьей шкуре,
Я верю: боги — в тишине, /
А не в смятении и не в буре.

Но что мне розовых харит
Несчислимыя улады?!
Над морем встал алмазный щит
Богини воинов — Паллады.

Старик, спеша отсюда прочь,
Последний раз тебя целую
И снова ринусь грудью в ночь
Увидеть бездну грозovou.

Но в час, как Зевсовой рукой
Мой черный жребий будет вынут,
Когда предсмертною тоской
Я буду навзничь опрокинут,—

Припомню я не день войны,
Не праздник в пламени и дыме,
Не ласки знойныя жены,
Увы, делимыя с другими,

—Тебя, твой миртовый венец,
Глаза, безоблачнее неба,
И с нежным именем «отец»
Сойду в обители Эреба.

ЗАВЕЩАНЬЕ

Очарован соблазнами жизни,
Не хочу я растаять во мгле,
Не хочу я вернуться к отчизне,
К усыпляющей мертвой земле.

Пусть высоко на розовой влаге
Вечереющих горных озер
Молодые и строгие маги
Кипарисовый сложат костер.

И покорно склоняясь, положат
На него мой закутанный труп,
Чтоб смотрел я с последнего ложа
С затаенной усмешкою губ.

И когда заревое чуть тронет
Темным золотом мраморный мол,
Пусть задумчивый факел уронит
Благовонье пылающих смол.

И свирель тишину опечалит,
И серебряный гонг заревет,
В час, когда задрожит и отчалит
Огневеющий траурный плот.

Словно демон в лесу волхований,
Снова вспыхнет мое бытие,
От мучительных красных лобзаний
Зашевелится тело мое.

И пока, к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я еще один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня.

ОЗЕРА

Я счастье разбил с торжеством святотатца,
И нет ни тоски, ни укора,
Но каждою ночью так ясно мне снятся
Большие, ночные озера.

На траурно-черных волнах неньюфары,
Как думы мои, молчаливы
И будят забытые, грустные чары
Серебряно-белые ивы.

Луна освещает изгибы дороги
И видит пустынное поле,
Как я задыхаюсь в тяжелой тревоге
И пальцы ломаю до боли.

Я вспомню, и что-то должно появиться,
Как в сумрачной драме развязка,—
Печальная девушка, белая птица
Иль странная нежная сказка.

И новое солнце заблещет в тумане,
И будут стрекозами тени,
И гордые лебеди древних сказаний
На белые выйдут ступени.

Проснусь, и как прежде уверенны губы,
Далеко и чуждо ночное,
И так по-земному прекрасны и грубы
Минуты труда и покоя.

СТАРЫЙ КОНКВИСТАДОР

Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конквистадор,
В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады.

Восемь дней скитался он без пищи,
Конь издох, но под большим уступом
Он нашел уютное жилище,
Чтоб не разлучаться с милым трупом.

Там он жил в тени сухих смоковниц,
Песни пел о солнечной Кастильи,
Вспоминал сраженья и любовниц,
Видел то пищали, то мантильи.

Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ни злости,
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.

ПРАВЫЙ ПУТЬ

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни,
Странник — оно, — из ковша золотого
Пьющий остатки на варварской тризне.

Выйдешь к природе, природа враждебна,
Все в ней пугает, всего в ней помногу,
Вечно звучит в ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному Богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли, —
Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли.

Что ж, это путь величавый и строгий:
Плакать с осенним пронзительным
ветром,
С нищими нищим таиться в берлоге,
Хмурые думы оковывать метром.

ОРЕЛ

Орел летел все выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные
 преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Где жил он прежде? Может быть,
в плену,
В оковах королевского зверинца,
Кричал, встречая девушку-весну,
Влюбленную в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна,
Когда глядел он в узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце в солнце.

Не все ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И он летел три ночи и три дня
И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть, ,
Войдя в круги планетного движенья,
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно-холодными лучами,
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

ВРАТА РАЯ

Не семью печатями алмазными
В Божий рай замкнулся вечный вход,
Он не манит блеском и соблазнами,
И его не ведает народ.

Это дверь в стене, давно заброшенной,—
Камни, мох, и больше ничего,
Возле нищий, словно гость непрощенный,
И ключи у пояса его.

Мимо едут рыцари и латники,
Трубный вой, бряцанье серебра,
И никто не взглянет на привратника,
Светлого апостола Петра.

Все мечтают: «там, у Гроба Божия,
Двери рая вскроются для нас
На горе Фаворе, у подножия,
Прозвенит обетованный час».

Так проходит медленное чудище,
Завывая, трубит звонкий рог,
И апостол Петр в дырявом рубище,
Словно нищий, бледен и убог.

КОЛДУНЬЯ

Она колдует тихой ночью
У потемневшего окна
И страстно хочет, чтоб воочью
Ей тайна сделалась видна.

Как бред, мольба ее бессвязна,
Но мысль упорна и горда,
Она не ведает соблазна
И не отступит никогда.

Внизу... там дремлет город пестрый
И кто-то слушает и ждет,
Но меч, уверенный и острый,
Он тоже знает свой черед.

На мертвой площади, где серо
И сонно падает роса,
Живет неслыханная вера
В ея ночные чудеса.

Но тщетен зов ея кручины,
Земля все та же, что была,
Вот солнце выйдет из пучины
И позолотит купола.

Ночные тени станут реже,
Прольется гул, как ропот вод,
И в сонный город ветер свежий
Прохладу моря донесет.

И меч сверкнет, и кто-то вскрикнет,
Кого-то примет тишина,
Когда усталая поникнет
У заалевшего окна.

ВЕЧЕР

Еще один ненужный день,
Великолепный и ненужный!
Приди ласкающая тень,
И душу смутную одень
Своею ризою жемчужной.

И ты пришла... ты гонишь прочь
Зловещих птиц—мои печали.
О, повелительница ночь,
Никто не в силах превозмочь
Победный шаг твоих сандалий!

От звезд слетает тишина,
Блестит луна — твое запястье,
И мне во сне опять дана
Обетованная страна —
Давно оплаканное счастье.

Рощи палым и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо, бесконечно голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Разве счастье — сказка или ложь?
Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду,
Разве ты не властно жить, как травы
В этом упоительном саду?

У меня не живут цветы,
Красотой их на миг я обманут,
Постоят день, другой, и завянут,
У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А на утро — комочек из пуха...
Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы
Сторожат вековые истомы,
Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
Помню, был и горбатым и нищим...
...Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

ЭТО БЫЛО НЕ РАЗ

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий
друг,
Враг мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будут стонами мук,
Поцелуи окрашены кровью,

СТАРИНА

Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.

Вот дом, старинный и некрашенный,
В нем словно плавает туман,
В нем залы гулкие украшены
Изображением пейзаж.

Тревожный сон... Но сон о небе ли?
Нет! На высоком чердаке,
Как ряд скелетов, груды мебели
В пыли починут и тоске.

Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тетки в юности
И танцевали контреданс.

И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна,
Такая скучная и темная,
Незолотая старина.

...Теперь бы кручи необорные,
Снега серебряных вершин,
Да тучи сизые и черные
Над гулким грохотом лавин!

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая,
Ночью был зарезан в драке
И пришел к преддверьям рая.

«Ты ль в моем не клялся храме,»
Прозвучала речь Мадонны:
«Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?»

«Отойди, не эти жатвы
Собирает Царь Всевышний,
Кто нарушил слово клятвы,
В Царстве Божием тот лишний.»

Но, печальный и упрямый,
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны.»

БЕАТРИЧЕ

1

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.

Дальше, докучные фавны,
Музыки нет в вашем кличе,
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче?

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе.
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде?

Жил беспокойный художник,
В мире лукавых обличий
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его прихотливом
Стали потоками света,
Стали шумящим приливом.

Музы, в сонете— брильянте
Странную тайну отметьте,
Спойте мне песню о Данте,
О Габриеле Росетти.

В моих садах цветы, в твоих — печаль,
 Приди ко мне, красивою печалью
 Заворожи, как дымчатой вуалью,
 Моих садов мучительную даль.

Ты—лепесток иранских белых роз,
 Войди сюда, в сады моих томлений,
 Чтоб не было порывистых движений,
 Чтоб музыка была пластичных поз.

Чтоб пронеслось с уступа на уступ
 Задумчивое имя Беатриче
 И чтоб не хор мэнад, а хор девичий
 Пел красоту твоих печальных губ.

Пощади, не довольно ли жалящей боли,
 Темной пытки отчаянья, пытки стыда!
 Я оставил соблазн роковых своеволий,
 Усмиренный, покорный, я твой навсегда.

Слишком долго мы были затеряны в
безднах,
 Волны - звери, подняв свой мерцающий
гроб.
 Нас крутили и били в объятьях железных
 И бросали на скалы, где пряталась скорбь.

Но теперь, словно белые кони от битвы,
Улетают клочки грозowych облаков,
Если хочешь, мы выйдем для общей

МОЛИТВЫ

На хрустящий песок золотых островов.

4

Я не буду тебя проклинять,
Я печален печалью разлуки,
Но хочу и теперь целовать
Я твои уводящие руки.

Все свершилось, о чем я мечтал
Еще мальчиком странно-влюбленным,
Я увидел блестящий кинжал
В этих милых руках обнаженным.

Ты подаришь мне смертную дрожь,
А не бледную дрожь сладострастья,
И меня навсегда уведешь
К островам совершенного счастья.

МОЛИТВА

Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!

КАПИТАНЫ

1

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы и мель;

Чья не пылью затерянных хартий,—
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь.

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,
Ни один пред грозой не трепещет.
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,

Меткой пулей, острой железной
Настигать исполинских китов,
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

2

Вы все паладины зеленого храма,
Над пасмурным морем следившие румб,
Гональдо и Кук, Лаперуз и де-Гама,
Мечтатель и царь, генуэзец Колумб!

Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий,
Синдбад-Мореход и могучий Улисс,
О ваших победах гремят в дифирамбе
Седые валы, набегая на мыс!

А вы, королевские псы, флибустьеры,
Хранившие золото в темном порту,
Скитальцы арабы, искатели веры,
И первые люди на первом плоту!

И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостытели храмы отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!

Как странно, как сладко входить в ваши
грезы,

Заветные ваши шептать имена,
И вдруг догадаться, какие наркозы
Когда-то рождала для вас глубина!

И кажется, в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!!»

И карлики с птицами спорят за гнезда,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

3

Только глянет сквозь утесы
Королевский старый форт,
Как веселые матросы
Поспешат в знакомый порт.

Там хватив в таверне сидру,
Речь ведет болтливый дед,
Что сразит морскую гидру
Может черный арбалет.

Темнокожие мулатки
И гадают и поют,
И несется запах сладкий
От готовящихся блюд.

А в запыленных тавернах,
От заката до утра,
Мечут ряд колод неверных
Завитые шулера.

Хорошо по докам порта
И склоняться, и лежать,
И с солдатами из форта
Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок
Дерзко выклянчив два су,
Продавать им обезьянок
С малым обручем в носу.

А потом бледнеть от злости,
Амулет зажать в полу,
Все проигрывая в кости
На заплеванном полу.

Но смолкает зов дурмана,
Пьяных слов бессвязный лет,
Только рупор капитана
Их к отплытью призовет.

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы,
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль летучего Голландца.

Ни риф, ни мель ему нѣ встретятся,
Но, знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма светятся,
Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою,
Окровавленной, но железною
В штурвал вцепляется — другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума,
Так смотрят трупы на пожарище
Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний,
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучил голос внутренний
Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственной
Для смелых пенителей моря, —

О том, что где-то есть окраина —
Туда, за тропик Козерога! —
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

ЖЕМЧУГ РОЗОВЫЙ

РЫЦАРЬ С ЦЕПЬЮ

Слышу гул и завыванье призывающих рогов,
И я снова конквистадор, покоритель городов.

Словно раб, я был закован, жил, униженный,
в плену,
И забыл, неблагодарный, про могучую весну.

А она пришла, ступая над рубинами цветов,
И, ревнивая, разбила сталь мучительных
оков.

Я опять иду по скалам, пью студеные струи;
Под дыханьем океана раны зажили мои.

Но, вступая, обновленный, в неизвестную
страну,
Ничего я не забуду, ничего не прокляну.

И, чтоб помнить каждый подвиг, и возвы-
шенность, и степь,
Я к серебряному шлему прикую стальную
цепь.

ЗАВОДИ

Н. В. Анненской.

Солнце скрылось на западе
За полями обетованными,
И стали тихия заводи
Синими и благоуханными.

Сонно дрогнул камыш,
Пролетела летучая мышь,
Рыба плеснулась в омуте...
...И направились к дому те,
У кого есть дом
С голубыми ставнями
И круглым чайным столом.

Я один остался на воздухе,
Смотрел на сонную заводь,
Где днем так отрадно плавать,
А вечером плакать,
Потому что я люблю тебя, Господи.

АНДРОГИН

Тебе никогда не устанем молиться,
Немыслимо-дивное Бог-Существо,
Мы знаем, Ты здесь, Ты готов проявиться,
Мы верим, мы верим в Твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуешь много,
Ты в жертву приносишь себя самое,
Ты тело даешь для Великого Бога,
Изысканно-нежное тело свое.

Спеши же, подруга! Как духи, нагими
Должны мы исполнить старинный обет,
Шепнуть, задыхаясь, забытое Имя
И, вздрогнув, услышать желанный ответ.

Я вижу, ты медлишь, смущаешься...

Что-же?!

Пусть двое погибнут, чтоб ожил один,
Чтоб странный и светлый с безумного ложа,
Как феникс из пламени, встал Андрогин.

И воздух, как роза, и мы, как виденья,
Ты близок к отчизне своей, пилигрим...
И верь! Не коснется до нас наслажденье
Бичем оскорбительно-жгучим своим.

КЕНГУРУ

Утро девушки.

Сон меня сегодня не разнежил,
Я проснулась рано по утру
И пошла, вдыхая воздух свежий,
Посмотреть ручного кенгуру.

Он срывал пучки смолистых игол,
Глупый, для чего-то их жевал
И смешно, смешно ко мне запрыгал
И еще смешнее закричал.

У него так неуклюжи ласки,
Но и я люблю ласкать его,
Чтоб его коричневые глазки
Мигом осветило торжество.

А потом, охвачена истомой,
Я мечтать уселась на скамью:
Что ж нейдет он, дальний, незнакомый,
Тот один, которого люблю!

Мысли так отчетливо ложатся,
Словно тени листьев по утру,
Я хочу к кому-нибудь ласкаться,
Как ко мне ласкался кенгуру.

Ты помнишь, у облачных впадин,
В бассейне серебряных рыб,
Аллеи высоких платанов
И башни из каменных глыб,

Как конь золотистый у башен,
Играя, вставал на дыбы,
И белый чепрак был украшен
Узорами тонкой резьбы.

Ты помнишь, у облачных впадин
С тобою нашли мы карниз,
Где звезды, как горсть виноградин,
Стремительно падали вниз.

Теперь, о скажи, не бледнея,
Теперь мы с тобою не те,
Быть может, сильнее и смелее,
Но только чужие мечте.

У нас как точеные руки,
Красивы у нас имена,
Но мертвой томительной скуке
Душа навсегда отдана.

И мы до сих пор не забыли,
Хоть нам и дано забывать,
То время, когда мы любили,
Когда мы умели летать.

МАЭСТРО

Н. Л. Сверчкову.

В красном фраке с галунами,
Надушенный встал Маэстро,
Он рассыпал перед нами
Звуки легкие оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Как виденья, как гиганты.
И метались в гулкой зале
И роняли бриллианты.

К золотым сбегали рыбкам,
Что плескались там в бассейне,
И по девичьим улыбкам
Плыли тише и лилейней.

Созидали башни храмам
Голубеющего рая
И ласкали плечи дамам,
Улыбаясь и играя.

А потом с веселой дрожью,
Закрутившись вокруг оркестра,
Тихо падали к подножью
Надушенного маэстро.

ХРИСТОС

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь,
здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода».

«Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!»

«Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды,—
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды».

«Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

СКАЗОЧНОЕ

Ярче солнца вспыхнули дни
И бежала медведица-ночь,
Догони ее, князь, догони,
Зааркань и к седлу приторочь.

Через лес, через ров, через гать
Устремилась она к колдуну,
Чтоб с недобрым гадать, волховать
И губить молодую весну.

Догони ее, князь, догони,
Не жалея дорогого коня,
Посмотри, усмеваются пни,
В темных дуплах мерцанье огня.

Зааркань и к седлу приторочь,
А потом в голубом терему
Укажи на медведицу-ночь
Богатырскому псу своему.

Мертвой хваткой вцепляется пес,
Он отважен, силен и хитер,
Он звериную злобу донес
К колдунам с незапамятных пор.

И великая радость, смеясь,
На узорное ступит крыльцо,
Тихо молвит: «Люблю тебя, князь,
Для тебя я открыла лицо».

ОХОТА

Князь вынул бич и кинул клич,
Грозу охотничьих добыч,

И белый конь, душа погонь,
Ворвался в стынущую сонь.

Удар копыт в снегу шуршит
И зверь встает, и зверь бежит,

Но не спастись ни вглубь, ни в высь,
Как змеи, стрелы понеслись.

Их легкий взмах наводит страх
На неуклюжих росомах,

Грызет их медь седой медведь,
Но все же должен умереть,

И легче птиц, склоняясь ниц,
Князь ищет четкий след лисиц.

Но вечер ал, и князь устал,
Прилег на мох и задремал,

Не дремлет конь, его не тронь.
Огонь в глазах его , огонь.

И, волк равнин, подходит финн,
Туда, где дремлет властелин,

А ночь светла, земля бела,
Господь, спаси его от зла!

Мне снилось: мы умерли оба,
Летим с упокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

Когда мы сказали «довольно»?
Давно ли и что это значит?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачет.

Бессильные чувства так странны,
Застывшие мысли так ясны,
И губы твои не желанны,
Хоть вечно прекрасны.

Свершилось! Мы умерли оба,
Летим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

ПОКОРНОСТЬ

Только усталый достоин молиться богам,
Только влюбленный—ступать по весенним
лугам!

На небе звезды, и тихая грусть на земле,
Тихое «пусть» прозвучало и тает во мгле.

Это покорность! Приди и склонись надо мной,
Бледная дева под траурно-черной фатой!

Край мой печален, затерян в болотной глуши,
Нету прекраснее края для скорбной души.

Вон порыжевшие кочки и мокрый овраг,
Я для него отрекаюсь от призрачных благ.

Что я: влюблен или просто смертельно устал?
Так хорошо, что мой взор, наконец, отблестал!

Тихо смотрю, как степная колышется зыбь,
Тихо внимаю, как плачет болотная выпь.

УХОДЯЩЕЙ

Не медной музыкой фанфар,
Не грохотом рогов
Я мой приветствовал пожар
И сон твоих шагов.

—Сковала бледные уста
Святая Тишина,
И в небе знаменем Христа
Сияла нам луна.

И рокотали соловьи
О Розе Горних стран,
Куда глаза мои, твои,
Заворожил туман.

И вот теперь, когда с тобой
Я здесь последний раз,
Слезы ни флейта, ни гобой
Не вызовут из глаз.

Теперь душа твоя мертва,
Мечта твоя темна,
А мне все те ж твердит слова
Святая Тишина.

Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но будет жизнь моя светла,
Пока жива любовь.

СВИДАНИЕ

Сегодня ты придешь ко мне,
Сегодня я пойму,
Зачем так странно при луне
Остаться одному.

Ты остановишься, бледна.
И тихо сбросишь плащ,
Не так ли полная луна
Встает из темных чащ?

И, околдованный луной,
Окованный тобой,
Я буду счастлив тишиной,
И мраком и судьбой.

Так зверь безрадостных лесов,
Почуявший весну,
Внимает шороху часов
И смотрит на луну,

И тихо крадется в овраг
Будить ночные сны,
И согласует легкий шаг
С движением луны.

Как он, и я хочу молчать,
Смотреть и изнемочь,
Храня торжественно печать,
Твою печать, о Ночь!

И будет много светлых лун
Во мне и вокруг меня,
И бледный берег древних дюн
Откроется маня.

И донесет из темноты
Зеленый океан
Кораллы, жемчуг и цветы,
Дары далеких стран.

И воздух тысячи существ,
Исчезнувших давно,
И темный сон немых веществ,
И звездное вино.

...Уйдешь, и буду я внимать,
Последней песне лун,
Смотреть, как день встает опять
Над гладью бледных дюн.

МАРКИЗ де КАРАБАС

С. Ауслендеру.

Весенний лес певуч и светел,
Черны и радостны поля,
Сегодня я впервые встретил
За старой ригой журавля.

Смотрю на тающую глыбу,
На отблеск розовых зарниц,
А умный кот мой ловит рыбу
И в сеть заманивает птиц.

Он знает след хорька и зайца,
Лазейки сквозь камыш к реке,
И так вкусны сорочьи яйца,
Им испеченные в песке.

Когда же роща тьму призовет,
Туман уронит капли рос
И задремлю я, он мурлычет,
Уткнув мне в руку влажный нос.

—«Мне сладко вам служить; за вас
Я смело миру брошу вызов,
Ведь вы маркиз де Карабас,
Потомок самых древних рас,
Средь всех отличенный маркизов».

«И дичь в лесу, и сосны гор,
Богатых золотом и медью,
И нив желтеющих простор,
И рыба в глубине озер
Принадлежит вам по наследью».

Зачем же спите вы в норе,
Всегда причудливый ребенок
Зачем не жить вам при дворе,
Не есть и пить на серебре,
Средь попугаев и болонок?!»

Мой добрый кот, мой кот ученый
Печальный подавляет вздох
И лапкой белой и точеной,
Сердясь, вычесывает блох.

На утро снова я под ивой
(В ее корнях такой уют)
Рукой рассеянно-ленивой
Бросаю камни в дымный пруд.

Как тяжелы они, как метки,
Как по воде они скользят!
...И в каждой травке, в каждой ветке
Я мой встречаю маркизат.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ

С. Судейкину.

Воздух над нами чист и звонок,
В житницу вол отвез зерно,
Отданный повару пал ягненок,
В медных ковшах играет вино.

Что же тоска нам сердце гложет,
Что мы пытаем бытие?
Лучшая девушка дать не может
Больше того, что есть у нее.

Все мы знавали злое горе,
Бросили все заветный рай,
Все мы, товарищи, верим в море,
Можем отплыть в далекий Китай.

Только не думать! Будет счастье
В самом крикливом кабаду,
Душу исполнит нам жгучей страстью
Смуглый ребенок в чайном саду.

В розовой пене встретим даль мы,
Нас испугает медный лев;
Что нам пригрезится в ночь у пальмы?
Как опьянят нас соки дерев?

Праздником будут те недели,
Что проведем на корабле...
Ты ли не опытен в пьяном деле,
Вечно румяный мэтр Раблэ?

Грузный, как бочки вин токайских,
Мудрость свою прикрой плащом,
Ты будешь пугалом дев китайских,
Бедра обвив зеленым плющем.

Будь капитаном! Просим! Просим!
Вместо весла вручаем жердь...
Только в Китае мы якорь бросим,
Хоть на пути и встретим смерть!

СЕВЕРНЫЙ РАДЖА

Валентину Кривичу.

1.

Она простерлась, неживая,
Когда замышлен был набег,
Ее сковали грусть без края
И синий лед и белый снег.

Но и задумчивые ели
В цветах серебряной луны,
Всегда тревожные, хотели
Святой по-новому весны.

И над страной лесов и гатей
Сверкнула золотом заря,
То шли бесчисленные рати
Непобедимого царя.

Он жил на сказочных озерах,
Дитя бриллиантовых раджей,
И радость светлая во взорах,
И губы лотуса свежей.

Но, сына царского, на север
Его таинственно влечет,
Он хочет в поле видеть клевер,
В сосновых рощах желтый мед.

Гудит земля, оружие блещет,
Трубят военные слоны
И сын полуночи трепещет
Пред сыном солнечной страны.

Се—царь! Придите и поймите
Его спасающую сеть,
В кипучий вихрь его событий
Спешите кинуть и сгореть.

Легко сгореть и встать иными,
Ступить на новую межу,
Чтоб встретить в пламени и дыме
Владыку севера, Раджу.

2.

Он встал на крайнем берегу,
И было хмуρο побережье,
Едва чернели на снегу
Следы глубокие, медвежьи.

Да в отдаленной полынне
Плескались рыжие тюлени,
Да небо в розовом огне
Бросало ровный свет без тени.

Он обернулся... там, во мгле
Дрожали зябнущие парсы
И, обезсилев, на земле
Валялись царственные барсы,

А дальше падали слоны,
Дрожа, стонали, как гиганты,
И лился мягкий свет луны
На их уборы, их брильянты.

Но людям, павшим перед ним,
Царь кинул гордое решенье:
«Мы в царстве снега создадим
Иную Индию... Виденье».

«На этот звонкий синий лед
Утесы мрамора не лягут
И лотус здесь не зацветет
Под вековою сенью пагод».

«Но будет белая заря
Пылать слепительнее вдвое,
Чем у бирманского царя
Костры из мирры и алоэ.

«Не бойтесь этой наготы
И песен холода и вьюги,
Вы обретете здесь цветы,
Каких не знали бы на юге».

3

И древле мертвая страна
С ея нетронутою новью,
Как дева юная, пьяна
Своей великою любовью.

Из дивной Галлии вотще
К ней приходили кавалеры,
Красуясь в бархатном плаще,
Манили к тайнам чуждой веры.

И Византии строгой речь,
Ее задумчивые книги
Не заковали этих плеч
В свои тяжелые вериги.

Здесь каждый миг была весна
И в каждом взоре жило солнце,
Когда смотрела тишина
Сквозь закоптелое оконце.

И каждый мыслил: «я в бреду,
Я сплю, но радости все те же,
Вот встану в розовом саду
Над белым мрамором прибрежий».

«И та, которую люблю,
Придет застенчиво и томно,
Она близка... теперь я сплю,
И хорошо у грезы темной».

Живет закон священной лжи
В картине, статуе, поэме—
Мечта великого Раджи,
Благословляемая всеми.

ИИАТЕР

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламень и дымы,
О тебе, моя Африка, шопотом
В небесах говорят серафимы.
И твое раскрывая евангелie,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе безрассудно.
Про деянья свои и фантазии,
Про заветную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.
Обреченный, тебе я поведаю,
О вождях в леопардовых шкурах,
Что во мраке лесов за победою
Водят полчища воинов хмурых,
О деревнях с кумирами древними,
Что смеются усмешкой недоброй,
И о львах что стоят над деревнями
И' хвостом ударяют о ребра.
Дай за это дорогу мне торную,
Там где нету пути человеку
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор неоткрытую реку.
И последняя милость, с которою
Перейду я в селенья святые, —
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария.

КРАСНОЕ МОРЕ

Здравствуй, Красное море, акулья уха,
Негритянская ванна, песчаный котел!
На утесах твоих, вместо влажного мха,
Известняк, словно каменный кактус,
расцвел.

На твоих островах в раскаленном песке,
Позабыты приливом, растущим в ночи,
Издыхают чудовища моря в тоске:
Осьминоги, тритоны и рыбы-мечи.

С африканского берега сотни пирог
Отплывают и жемчуга ищут вокруг,
И стараются их отослать на восток
С аравийского берега сотни фелук.

Если негр будет пойман, его уведут
На невольничий рынок ходейды в цепях,
Но араб несчастливый находит приют
В грязно-рыжих твоих и горячих волнах.

Как учитель среди шалунов, иногда
Океанский проходит среди них пароход,
Под винтом снеговая клокочет вода,
А на палубе — красные розы и лед.

Ты бессильно над ним; пусть ревет ураган,
Пусть волна, как хрустальная встанет
гора,
Закурив папиросу, вздохнет капитан:
«Слава Богу, свежо, надоела жара!»

Целый день над водой, слозно стоя
Золотые летучие рыбы видны, стрекоз,
У песчаных, серпами изогнутых кос,
Мели, точно цветы, зелены и красны.

Блещет воздух, налитый прозрачным
Солнце сказочной птицей глядит с огнем,
высоты:
—Море, Красное море, ты царственно
днем,
Но ночами вдвойне ослепительно ты!

Только тучкой скользнут водяные пары,
Тени черных русалок мелькнут на
волнах,
Да чужие созвездья, кресты, топоры,
Над тобой загорятся в небесных садах.

И огнями бенгальскими сразу мерцать
Начинают твои колдовские струи,
Искры в них и лучи, словно хочешь
создать,
Позавидовав небу, ты звезды свои.

И когда выплывает луна на зенит,
Вет р проносится, запахи леса тая,
От Суэца до Баб- ель-Мандеба звенит,
Как элова арфа, поверхность твоя.

На обрывистый берег выходят слоны,
Чутко слушая волн набегающих шум,
Обожать отражение ущербной луны,
Подступают к воде и боятся акул.

И ты помнишь, как только одно из морей,
Ты исполнило некогда Божий закон,
Разорвало могучие сплавы зыбей,
Чтоб прошел Моисей и погиб фараон.

ЕГИПЕТ

Как картинка из книжки старинной,
Услаждавшей мои вечера,
Изумрудные эти равнины
И раскидистых пальм веера.

И каналы, каналы, каналы,
Что текут вдоль каменных стен,
Орошал Дамьетские скалы
Розовыми брызгами пен.

И такие смешные верблюды,
С телом рыб и с головками змей,
Как огромные, древние чуда,
Из глубин пышноцветных морей.

Вот каким ты увидишь Египет
В час божественный трижды, когда
Солнцем день человеческий выпит
И, колдунья, дымится вода.

К отдаленным платанам цветущим
Ты приходишь, как шел до тебя
Здесь мудрец, говоря с присносущим,
Птиц и звезды навек любя.

То вода ли шумит безмятежно
Между мельничных тяжких колес,
Или Апис мычит белоснежный,
Окровавленный цепью из роз.

Это взор благосклонный Изиды
Иль мерцанье встающей луны?
Но опомнись! Растут пирамиды
Пред тобою, черны и страшны.

На седые от мха их уступы
Ночевать прилетают орлы,
А в глубинах покоятся трупы,
Незнакомые с тленьем среди мглы.

Сфинкс улегся на страже святыни
И с улыбкой глядит с высоты,
Ожидая гостей из пустыни,
О которых не ведаешь ты.

А Египта властитель единый,
Уж колышется нильский разлив
Над чертогами Елефантины,
Над садами Мемфиса и Фив.

Там, взглянув на пустынную реку,
Ты воскликнешь: «ведь это же сон!
Не прикован я к нашему веку,
Если вижу сквозь бездну времен.

Исполняя царевы веленья,
Не при мне ли нагие рабы
По пустыням таскали каменья,
Воздвигали вот эти столбы?»

И столетья затем не при мне ли
Хороводы танцующих жриц
Крокодилам хваления пели,
Перед Ибисом падали ниц.»

И, томясь по Антонии милом,
Поднимая большие глаза,
Клеопатра считала над Нилом
Пробегающие паруса.»

Но довольно! Ужели ты хочешь
Вечно жить средь минувших отрад?
И не рад ты сегодняшней ночи
И сегодняшним травам не рад?

Не обломок старинного крипта,
Под твоей зазвеневшей ногой,
Есть другая душа у Египта
И торжественный праздник друг

Точно дивная фата-моргана
Виден город у ночи в плену,
Над мечетью султана Гассана
Минарет протыкает луну.

На прохладных открытых терассах
Чешут женщины золото кос,
Угощают подруг темноглазых
Имбирем и вареньем из роз.

Шейхи молятся, строги и хмуры,
И лежит перед ними коран,
Где персидские миниатюры—
Словно бабочки сказочных стран.

А поэты скандируют строфы,
Развалившись на мягкой софе,
Пред кальяном и огненным кофе,
Вечерами — в прохладных кафе.

Здесь не даром страна сотворила
Поговорку, прошедшую мир:
—Кто испробовал воду из Нила,
Будет вечно стремиться в Каир.

Пусть хозяева здесь англичане,
Пьют вино и играют в футбол,
И хедива в высоком Диване
Уж не властен святой произвол.

Пусть! Но истинный царь над страной
Не араб и не белый, а тот,
Кто с сохою или с бороною
Черных буйволов в поле ведет.

Хоть ютится он в доме из ила,
Умирает, как звери, в лесах,
Он любимец священного Нила
И его современник—феллах.

Для него ежегодно разливы
Этих рыжих всклокоченных вод
Затопают богатые нивы,
Где тройную он жатву берет.

И его ограждают пороги
Полосой острогрудых камней
От неожиданной полнотной тревоги,
От коротких нубийских мечей.

А ведь знает и коршун бессонный:
Вся страна—это только река,
Окаймленная рамкой зеленой
И другой золотой, из песка.

Если аист задумчивый близко
Поселится на поле твоём,
Напиши по-английски записку
И ему привяжи под крылом.

И весной на листе эвкалипта,
Если аист вернется назад,
Ты получишь привет из Египта
От веселых феллахских ребят.

САХАРА

Все пустыни друг другу от века родны,
Но Аравия, Сирия, Гоби,
Это лишь затиханье Сахарской волны,
В сатанинской воспрянувшей злобе.

Плещет Красное море, Персидский залив,
И глубоки снега на Памире,
Но ее океана песчаный разлив
До зеленой доходит Сибири.

Ни в дремучих лесах, ни в просторе морей,
Ты в одной лишь пустыне на свете,
Не захочешь людей и не встретишь людей,
А полюбишь лишь солнце, да ветер.

Солнце клонит лицо с голубой вышивы
И лицо это девственно юно,
И, как струи ¹пролитого солнца, ровны
Золотые песчаные дюны.

Всюду башни, дворцы из порфириновых скал,
Вдруг фонтаны и пальмы на страже,
Это солнце на глади воздушных зеркал
Пишет кистью лучистой миражи.

Живописец небесный вечерней порой
У подножия скал и растений
На песке, как на гладкой доске золотой,
Расстилагает лиловые тени.

И, небесный певец, лишь подаст оно знак,
Прозвучат гармоничные звоны,
Это лопнет налитый огнем известняк
И рассыпется пылью червленной.

Блещут скалы, темнеют под ними внизу
Древних рек каменистые ложа,
На покрытое волнами море в грозу,
Ты промолвишь, Сахара похожа.

Но взглядишь: эта вечная слава песка—
Только горного отсвет пожара,
С небесами, где легкие спят облака,
Бродят радуги, схожа Сахара.

Буйный ветер в пустыне второй властелин.
Вот он мчится порывами, точно
Средь высоких холмов и широких долин
Дорогой иноходец восточный.

И звенит и поет, поднимая песок,
Он узнал своего господина,
Воздух меркнет, становится солнца зрачок,
Как гранатовая сердцевина.

И, чудовищных пальм вековые стволы,
Вихри пыли взметнулись и пухнут,
Выгибаясь, качаясь, проходят среди мглы,
Тайно веришь—вовсе не рухнут.

Так и будут бродить до скончанья веков,
Каждый час все грозней и грознее,
Головой пропадая среди облаков,
Эти страшные серые змеи.

Но мгновенье... отстанет и дрогнет одна
И осядет песчанная гряда.
Это значит в пути спотыкнулась она
О ревущего в страхе верблюда.

И когда на проясневшей глади равнин
Все полягут, как новые горы,
В Средиземное море уходит халсин
Кровь дурманить и сеять раздоры.

И стоит караван, и его проводник
Всюду посохом шарит в тревоге,
Где-то около плещет знакомый родник,
Но к нему он не знает дороги.

А в оазисах слышится ржанье коня
И под пальмами веянье нарда,
Хоть редки острова в океане огня,
Точно пятна на шкуре гепарда.

Но здесь часто звучит оглушающий вой,
Блещут копья и веют бурнусы,
Туарегов, что западной правят страной,
На Востоке не любят тиббусы.

И пока они бьются за пальмовый лес,
За верблюда иль взоры рабыни,
Их родную Тибетси, Мурзук, Геданес,
Заметают пески из пустыни.

Потому что пустынные ветры горды
И не знают преград своеволью,
Рушат стены, сады засыпают, пруды
Отравляют белеющей солью.

И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зеленый и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.

Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.

И, когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара.

СУЭЦКИЙ КАНАЛ

Стаи дней и ночей
Надо мной колдовали,
Но не знаю светлей,
Чем в Суэцком канале.

Где идут корабли,
Не по морю, по лужам,
Посредине земли
Караваном верблюжым.

Сколько птиц, сколько птиц
Здесь на каменных скатах,
Голубых небылиц
Голенастых зобатых.

Виден ящериц рой
Золотисто-зеленых,
Словно влаги морской
Стынут брызги на склонах.

Мы кидаем плоды
На ходу арапчатам,
Что сидят у воды,
Подражая пиратам.

Арапчата орут
Так задорно и звонко,
И шишит марабут
Нам проклятья вдогонку.

А когда на пески
Ночь, как коршун, посядет,
Задрожат огоньки
Впереди нас и сзади.

Те красней, чем коралл,
Эти зелены, сини...
Водяной карнавал
В Африканской пустыне.

С отдаленных холмов
Легким ветром гонимы,
Бедуинских костров
К нам доносятся дымы.

С обвалившихся стен
И изгибов канала
Слышен хохот гиен,
Завыванья шакала.

И в ответ пароход,
Звезды ночи печала,
Спящей Африке шле-
Перепевы рояля.

СУДАН

Ах, наверно, сегодняшним утром
Слишком громко звучат барабаны,
Крокодилей обтянуты кожей,
Слишком звонко зывают колдуны
На утесах Нубийского Нила,
Потому что сжимается сердце,
Лоб горяч и глаза потемнели
И в мечтах оживленная пристань,
Голоса смуглолицых матросов,
В пенных клочьях веселое море,
А за морем ущелье Дар-фура,
Гемерей—леса Кордофана
И великие воды Борну.

Города озаренные солнцем,
Словно клады в зеленых трущобах,
И из них, как грозящие руки,
Минареты возносятся к небу.

А на тронах из кости слоновой
Восседают, как древние бреды
Короли и владыки Судана,
Рядом с каждым, прикованный цепью,
Лев прищурился, голову поднял
И с усов лижет кровь человечью,
Рядом с каждым играет секирой
Толстогубый с лоснящейся кожей,
Черный, словно душа властелина,
В ярко-красной рубашке палач.

Перед ними торговцы рабами
Свой товар горделиво проводят,
Стонут люди в тяжелых колодках
И белки их сверкают на солнце.
Проезжают вожди из пустыни,
В их тюрбанах жемчужные нити,
Перья длинные страуса вьются
Над затылком играющих коней,
И надменно проходят французы,
Гладко выбриты, в белой одежде,
В их карманах бумаги с печатью,
Их завидя, владыки Судана
Поднимаются с тронов своих.
А кругом на широких равнинах,
Где трава укрывает жираффа,
Садовод всемогущего Бога
В серебрящейся мантии крыльев
Сотворил отражение рая:
Он раскинул тенистые рощи
Прихотливых мимоз и акаций,
Рассадил по холмам баобабы,
В галлереях лесов, где прохладно
Светло, как в дорическом храме,
Он провел многоводные реки
И в могучем порыве восторга
Создал тихое озеро Чад.

А потом, улыбнувшись, как мальчик,
Что придумал забавную шутку,
Он собрал здесь совсем небывалых

Удивительных птиц и животных.
Краски взяв у пустынных закатов,
Попугаям он перья раскрасил,
Дал слону он клыки, что белее
Облаков африканского неба,
Льва одел золотою одеждой
И пятнистой одел леопарда,
Сделал рог, как янтарь, носорогу,
Дал газели девичьи глаза
И ушел на далекие звезды
Может быть их раскрашивать тоже.
Бродят звери, как Бог им назначил,
К водопою собираются вместе,
И не знают, что дивно-прекрасны,
Что таких, как они, не отыщешь,
И не знает об этом охотник,
Что в пылающий полдень таится
За кустом с ядовитой стрелой
И кричит над поверженным зверем,
Исполняя охотничью пляску,
И уносит владыкам Судана
Дорогую добычу свою.
Но роднят обитателей степи,
Иногда луговые поляны
В день, когда затмевается солнце
От летящего по ветру пепла
И неведанным зверем багровым
На равнинах шевелится пламя.
Этот день - оглушительный праздник,
Что приветливый дьявол устроил

Другу-смерти и ужасу-брату.
В этот день не узнать человека,
Средь толпы опаленных, ревуших,
Всюду бьющих клыками, рогами,
Создающих одно лишь: огонь!
Вечер. Глаз различить не умеет
Ярких нитей на поясе белом;
Это знак, что должны мусульмане
Пред Аллахом свершить омовенье,
Тот водой, что в лесу над рекою,
Тот водой, кто в лесу над рекою,
И от голых песчаных утесов
Беспокойного Красного моря
До зеленых валов многопенных
Атлантического океана
Люди молятся тихо в Судане,
И над ним, над огромным ребенком,
Верю, верю, склоняется Бог

АБИССИНИЯ

Между берегом буйного Красного моря
И Суданским таинственным лесом видна,
Разметавшись среди четырёх плоскогорий,
С отдыхающей львицею сходна, страна.

Север—это болота без дна и без края,
Змеи черные подступы к ней стерегут,
Их сестер—лихорадок зловещая стая,
Желтоликая, здесь обрела свой приют.

А над ними насупились мрачные горы,
Вековая обитель разбоя, Тигрэ,
Где оскалены бездны, взъерошены боры
И вершины стоят в вековом серебре.

В плодоносной Амхаре и сеют и косят,
Зебры любят мешаться в домашний табун,
И под вечер прохладные ветры разносят
Звуки песен гортанных и рокоты струн.

Абиссинец поет и рыдает багана,
Воскресая минувшее, полное чар,
Было время, когда перед озером Тана
Королевской столицей вознесся Гондар.

Под платанами спорил о Боге ученый,
Вдруг пленяя толпу благозвучным стихом,
Живописцы писали царя Соломона
Меж царицею Савской и ласковым львом.

Но, поверив шоанской изысканной лести,
Из старинной отчизны поэтов и роз,
Мудрый сын Абиссинии, негус Негести,
В каменистую Шоа свой трон перенес.

В Шоа воины хитры, жестоки и грубы,
Курят трубки и пьют опьяняющий тэдж,
Любят слушать одни барабаны да трубы,
Мазать маслом ружье да оттачивать меч.

Хирраритов, Галла, Самоли, Ханакилян,
Людоедов и карликов в чаще лесов
Своему Менелику они покорили,
Устелили дворец его цукурами львов.

И, смотря на потоки у горных подножий,
На дубы и полдневных лучей торжество,
Европеец дивится, как странно похожи
Друг на друга народ и отчизна его.

Колдовская страна! Ты на дне котловины,
Задыхаешься, льется огонь с высоты.
Над тобою разносится крик ястребиный,
Но в сияньи заметишь ли ястреба ты?

Пальмы, кактусы, в рост человеческий
травы,
Слишком много здесь этой поганой травы...
Осторожнее! Зесь притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжие львы.

По обрывам и кручам, дорогой тяжелой
Поднимись и нежданно увидишь вокруг
Сикоморы и розы, веселые села
И зеленый, народом пестреющий луг.

Там колдун совершает привычное чудо,
Тут, покорна напеву, танцует змея,
Кто сто талеров взял за больного верблюда,
Сев на камень в тени, разбирает судья.

Поднимись еще выше! Какая прохлада!
Точно поздней онсенью, пусты поля,
На рассвете ручьи замерзают, и стадо
Собирается кучей под кровлей жилья.

Павианы кричат средь кустов молочая,
Перепачкавшись в белом и липком соку.
Мчатся всадники, длинные копыта бросая,
Из винтовок стреляя на полном скаку.

Выше только утесы, нагие стремнины,
Где кочуют ветра, да ликуют орлы,
Человек не взбирался туда, и вершины
Под тропическим солнцем от снега белы.

И повсюду, вверху и внизу, караваны
Видят солнце и пьют неоглядный простор,
Уходя в до сих пор неизвестные страны
За слоновою костью и золотом гор.

Как любил я бродить по таким же дорогам,
Видеть вечером звезды, как крупный горох,
Выбегать на холмы за козлом длиннорогим,
На ночлег зарываться в седеющий мох.

Есть музей этнографии в городе этом
Над широкой, как Нил, многоводной Невой,
В час, когда я устану быть только поэтом,
Ничего не найду я желанней его.

Я хожу туда трогать дикарские вещи,
Что когда-то я сам издалека привез,
Чують запах их страшный, родной и
зловещий,
Запах ладана, шерсти звериной и роз.

И я вижу, как знойное солнце пылает,
Леопард изогнувшись ползет на врага,
И как в хижине дымной меня поджидает
Для веселой охоты мой старый слуга.

ГАЛЛА

Восемь дней от Харрара я вел караван:
Сквозь Черчерские дикие горы,
И седых на деревьях стрелял обезьян,
Засыпал средь корней сикоморы.

На девятую ночь я увидел с горы
— Этот миг никогда не забуду —
Там внизу, в отдаленной равнине, костры,
Точно красные звезды, повсюду.

И помчались одни за другими они,
Точно тучи в сияющей сини,
Ночи трижды-святые и странные дни
На широкой галлаской равнине.

Все, к чему приближался навстречу я тут,
Было больше, чем видел я раньше:
Я смотрел, как огромных верблюдов пасут
У широких прудов великанши.

Как саженного роста галласы, скача
В леопардовых шкурах и львиных,
Убегающих страусов рубят сплеча
На горячих конях-исполинах.

И как поят парным молоком старики
Умиравших змей престарелых...
И, мыча, от меня убегали быки,
Никогда не выдавшие белых.

Временами я слышал у входа пещер
Звуки пения и бой барабанов,
И тогда мне казалось, что я Гулливер,
Позабытый в стране великанов.

И таинственный город, тропический Рим,
Шейх-Гуссейн я увидел высокий,
Поклонился мечети и пальмам святым,
Был допущен пред очи пророка.

Жирный негр восседал на персидских
коврах
В полутемной неубранной зале,
Точно идол, в браслетах, серьгах и перстнях,
Лишь глаза его дивно сверкали.

Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,
По плечу меня с лаской ударя,
Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.

Все спрашивал он, много ль знают о нем
В отдаленной и дикой России...
Вплоть до моря он славен своим колдовством
И дела его точно благие.

Если мула в лесу ты не можешь найти,
Или раб убежал беспокойный,
Все получишь ты вдруг, обещав принести
Шейх-Гуссейну подарок пристойный.

СОМАЛИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Помню ночь и песчаную помню страну
И на небе так низко луну.

И я помню, что глаз я не мог отвести
От ее золотого пути.

Там светло и, наверное, птицы поют
И цветы над прудами цветут.

Там не слышно, как бродят свирепые львы,
Наполняя рыканием рвы.

Не хватают мимозы колючей рукой
Проходящего в бездне ночной!

В этот вечер, лишь тени кустов поползли,
Подходили ко мне Сомали.

Вождь их с рыжею шапкой косматых волос
Смертный приговор мне произнес

И насмешливый взор из под спущенных век
Видел сколько со мной человек.

Завтра бой, беспощадный томительный бой
С завывающей черной толпой.

Под ногами верблюдов сплетение тел,
Дождь отравленных копий и стрел.

И до боли я думал, что там, на луне,
Враг не может подкрасться ко мне,
Ровно в полночь я свой разбудил караван,
За холмом грохотал океан.

Люди гибли в пучине, и мы на земле
Тоже гибели ждали во мгле.

Мы пустились в дорогу. Дышала трава,
Точно шкура вспотевшего льва.

И белели средь черных священных камней
Вороха черепов и костей.

В целой Африке нету грозней Сомали,
Безотраднее нет их земли.

Сколько белых пронзило во мраке копье
У песчаных колодцев ее,

Чтоб о подвигах их говорил Огаден
Голосами голодных гиен.

И, когда перед утром склонилась луна,
Уж не та, а страшна и красна,

Понял я, что она, точно рыцарский щит,
Вечной славой героям горит.

И верблюдов велел положить и ружью
Вверил вольную душу мою.

ЛИБЕРИЯ

Берег Верхней Гвинеи богат
Медом, золотом, костью слоновой.
За оградой каменных гряд
Все пришельцу нежданно и ново.

По болотам блуждают огни,
Черепахи грузнее утеса,
Клювоносы таятся в тени
Своего исполинского носа.

И когда в океан к вечеру
Погрузится небесное око,
Рыболовов из племени Кру
Паруса забредают далеко.

И про каждого слава идет,
Что отважнее нет пред бедою,
Что одною рукой он спасет,
И ограбит другою рукою.

В восемнадцатом веке сюда
Лишь за деревом черным, рабами
Из Америки плыли сюда
Под распущенными парусами.

И сюда же на каменный скат
Пароходов толпа быстроходных
В девятнадцатом веке назад
Принесла не рабов, а свободных.

Видно, поняли нрав их земли
Вашингтонские старые девы,
Что такие плоды принесли
Благонравных брошюрок посева.

Адвокаты, доценты наук,
Пролетарии, пасторы, воры,—
Все, что нужны в республике, вдруг
Буйно хлынули в тихие горы.

Расселились... Тропический лес,
Утонувший в таинственном мраке,
В сонм своих бесконечных чудес
Принял дамские шляпы и фраки.

— «Господин президент, ваш слуга!»
Вы с поклоном промолвите быстро,
Но взгляните: черней сапога
Господин президент и министры.

— «Вы сегодня бледней, чем всегда!»
Позабывшись вы скажете даме,
И что дама ответит тогда,
Догадайтесь, пожалуйста, сами.

То повиснув на тонкой лозе,
То запрятавшись в листьях узорных,
В темной чаще живут шимпанзе
По соседству от города черных.

По утрам, услышав с высоты
Протестанское пение в храме,
Как в большой барабан, в животы,
Ударяют они кулаками.

А когда загорятся огни,
Внемля фразам вечерних приветствий,
Тоже парами бродят они,
Вместо тросточек выломав ветви.

Европеец один уверял,
Президентом за что-то обижен,
Что большой шимпанзе потерял
Путь назад среди окрашенных хижен.

Он не струсил, и просто платком
Скрыв стыдливо живот волосатый,
В президентский отправился дом,
Президент отлучился куда-то.

Там размахивал палкой своей
Бил посуду, шатался, как пьяный,
И неузнанной целых пять дней,
Управляла страной обезьяна.

МАДАГАСКАР

Сердце билось, смертно тоскуя,
Целый день я бредил в тоске
И мне снилось ночью: плыву я
По какой-то большой реке.

С каждым мигом все шире, шире
И светлей, и светлей река,
Я — в своем неведомом мире,
И ладья моя так легка.

Красный идол на белом камне
Мне поведал разгадку чар,
Красный идол на белом камне
Громко крикнул: — Мадагаскар!

В раззолоченых паланкинах,
В дивно-вырезанных ладьях,
На широких воловьих спинах
И на звонко ржущих конях.

Там, где пели и трепетали
Легких тысячи лебедей,
Друг за другом вслед выступали
Смуглолицых толпы людей.

И о том, как руки принцессы
Домогался старый жених,
Сочиняли смешные пьесы
И сейчас же играли их.

А в роскошной форме гусарской
Благосклонно на них взирали
Королевы мадагаскарской
Самый преданный генерал.

Между них быки Томатавы,
Схожи с грудю жирных камней,
Пожирали жирные травы
Благовоньем полных полей.

И вздыхал я, зачем плыву я,
Не останусь я здесь зачем,
Неужели здесь не спою я
Самых лучших моих поэм?

Только голос мой был не слышен
И никто мне не мог помочь,
А на крыльях летучей мыши
Опускалась теплая ночь,

Небеса и лес потемнели,
Смолкли лебеди в забвенье...
...Я лежал на моей постели
И грустил о моей ладье.

ЗАМБЕЗИ

Точно медь в самородном железе,
Иглы пламени врезаны в ночь,
Напухают валы на Замбези
И уносятся с гиканьем прочь.

Сквозь неистовство молнии белой
Что-то видно над белой скалой,
Там могучее черное тело
Налегло на топор боевой.

Раздается гортанное пенье
Шар земной обтекающих муз.
Непреложны повсюду веленья...
Он поет, этот воин зулус.

Я дремал в заповедном краале
И слышал рычание льва,
Сердце сжалось от сладкой печали,
Закружилась моя голова.

Меч метнулся мне в руку, сверкая,
Распахнулась таинственно дверь,
И лежал предо мной, издыхая,
Золотой и рыкающий зверь.

И запели мне духи тумана:
— Твой навек да прославится гнев!
Ты достойный потомок Димгама,
Разрушитель, убийца и лев.

С той поры я всегда наготове,
По ночам мне не хочется спать,
Много, много мне надобно крови,
Чтобы жажду мою утолять.

За большими, как тучи, горами,
По болотам, близ устья реки
Я арабам, торговцам рабами,
Выпускал ассегам кишки.

И спускался я к бурам в равнины
Принести на просторы лесов
Восемь ран, украшений мужчины,
И одиннадцать вражьих голов.

Тридцать лет я по лесу блуждаю,
Не боюсь ни людей, ни огня,
Ни богов... но что знаю, то знаю,
Есть один, кто сильнее меня.

Это — слон в неизведанных чащах,
Он, как я, одинок и велик,
И вонзает во всех проходящих
Пожелтевший изломанный клык.

Я мечтаю о нем безпрестанно,
Я всегда его вижу во сне,
Потому что мне духи тумана
Рассказали об этом слоне.

С ним борьба для меня бесполезна,
Сердце знает, что буду убит,
Распахнется небесная бездна
И Динган, мой отец, закричит:

— Да, ты не был трусливой собакой,
Львом ты был между яростных львов,
Так садись между мною и Чакой
На скамье из людских черепов.

ДАМАРА

(Геттентотская космология)

Человеку грешно гордиться,
Человека ничтожна сила:
Над землею когда-то птица
Человека сильнее парила.

По утрам выходила рано
К берегам крутым океана
И глотала целые скалы,
Острова целиком глотала.

А священными вечерами
Над высокими облаками,
Поднимая голову, пела,
Пела Богу про Божье дело.

А ногами чертила знаки,
Те, что знают в подземном мраке,
Все, что будет, и все, что было,
На песке ногами чертила.

И была она так прекрасна,
Так чертила, пела согласно,
Что решила с Богом сравниться
Неразумная эта птица.

Бог, который весь мир расчислил,
Угадал ее злые мысли
И обрек ее на несчастье,
Разорвал ее на две части.

И из верхней части, что пела,
Пела Богу про Божье дело,
Родились на свет готтентоты
И поют, поют без заботы.

А из нижней, чертившей знаки,
Те, что знают в подземном мраке,
Появились на свет бушмены,
Украшают знаками стены.

А вот перья, что улетали
Далеко в океан, доселе
Все плывут, как белые люди;
И когда их довольно будет,

Вновь срастутся бывшие части
И опять изведуют счастье,
В белых перьях большая птица
На своей земле поселится.

ЭКВАТОРИАЛЬНЫЙ ЛЕС

Я поставил палатку на каменном склоне
Абиссинских, сбегаящих к западу, гор
И беспечно смотрел, как пылают закаты
Над зеленою крышей далеких лесов.

Прилетали оттуда какие-то птицы
С изумрудными перьями в длинных
хвостах,
По ночам выбегали веселые зебры,
Мне был слышен их храп и удары копыт.

И однажды закат был особенно красен,
И особенный запах летел от лесов,
И к палатке моей подошел европеец,
Исхудалый, небрытый, и есть попросил.

Вплоть до ночи он ел неумело и жадно,
Клал сардинки на мяса сухого ломоть,
Как пилюли проглатывал кубики маги
И в Дбееит добавлять отказался воды.

Я спросил почему он так мертвенно бледен,
Почему его руки сухие дрожат,
Как листья... «Лихорадка великого леса»,
Он ответил, и с ужасом глянул назад.

Я спросил про большую открытую рану,
Что сквозь тряпки чернела на впалой груди,
Что с ним было? — «Горилла великого леса»
Он сказал, и не смел оглянуться назад.

Был с ним карлик, мне по пояс, голый
и черный,
Мне казалось, что он не умел говорить,
Точно пес он сидел за своим господином,
Положив на колени бульдожье лицо.

Но, когда мой слуга подтолкнул его
в шутку,
Он оскалил ужасные зубы свои
И потом целый день волновался и фыркал
И раскрашенным кортиком бил по земле.

Я постель предоставил усталому гостю,
Лег на шкурах пантер, но не мог задремать,
Жадно слушая длинную дикую повесть,
Лихорадочный бред пришельца из лесов.

Он вздыхал: «Как темно... этот лес
бесконечен...
Не увидеть нам солнца уже никогда...
Пьер, дневник у тебя? На груди под
рубашкой?...
Лучше жизнь потерять нам, чем этот
дневник!

Почему нас покинули черные люди?
Горе, компасы наши они унесли...
Что нам делать? Не видно ни зверя, ни
птицы;
Только посвист и шорох вверху и внизу!

Пьер, заметил костры? Там, наверное, люди.
Неужели же мы, наконец, спасены?
Это карлики... сколько их, сколько
собралось...
Пьер, стреляй! На костре — человечья нога;

Врукопашную! Помни, отравлены стрелы...
Бей того, кто на пне... он кричит, он их
вождь...
Горе мне... На куски разлетелась винтовка...
Ничего не могу, повалили меня...

Нет, я жив, только связан... злодеи, злодеи
Отпустите меня, я не в силах смотреть...
Жарят Пьера... а мы с ним играли
в Марселе,
На утесе у моря играли детьми.

«Что ты хочешь собака? Ты встал на
колени?
Я плюю на тебя, омерзительный зверь!
Но ты лижешь мне руки? Ты рвешь мои
путь?
Да, я понял, ты Богом считаешь меня...

Ну, бежим! Не бери человеческого мяса,
Всемогущие боги его не едят.
Лес... о, лес бесконечный... я голоден, Акка,
Излови, если можешь большую змею!»

Он стонал и хрипел, он хватался за сердце
И на утро, почудилось мне, задремал;
Но когда я его разбудить попытался,
Я увидел, что мухи ползли по глазам.

Я его закопал у подножия пальмы,
Крест поставил над грудой тяжелых
камней,
И простые слова написал на дощечке:
— Христианин зарыт здесь, молитесь о нем.

Карлик, чистя свой дротик, смотрел
равнодушно,
Но, когда я закончил печальный обряд,
Он вскочил и, не крикнув, помчался по
склону,
Как олень, убегая в родные леса.

Через год я прочел во французских газетах,
Я прочел и печально поник головой:
— Из большой экспедиции к Верхнему
Конго
До сих пор ни один не вернулся назад.

ДАГОМЕЯ

Царь сказал своему полководцу: «Могучий,
Ты высок, точно слон дагомейских лесов,
Но ты всетаки ниже торжественной кучи
Отсеченных тобой человеческих голов.

И, как доблесть твоя, о, испытанный воин,
Так и милость моя не имеет конца.

Видишь солнце над морем? Ступай!

Ты достоин

Быть слугой моего золотого отца».

Барабаны забили, защелкали бубны,
Преклоненные люди завыли вокруг,
Амазонки запели протяжно и чудно,
Покатился по морю от берега круг.

Полководец царю поклонился в молчаньи
И с утеса в бурливую воду прыгнул,
И тонул он в воде, а, казалось, в сияньи.
Золотого закатного солнца тонул.

Оглушали его барабаны и клики,
Ослепляли соленые брызги волны,
Он исчез. И блистало лицо у владыки,
Точно черное солнце подземной страны.

НИГЕР

Я на карте моей под ненужною сеткой
Сочиненных для скуки долгот и широт,
Замечаю, как что-то чернеющей веткой,
Винградною узкой веткой ползет.

А вокруг города, точно горсть виноградин,
Это — Бусса, и Гомба, и царь, Тимбукту,
Самый звук этих слов мне, как солнце,
отраден,
Точно бой барабанов, он будит мечту.

Но не верю, не верю я, справлюсь по книге,
Ведь должна же граница и тупости быть!
Да, написано Нигер... о, царственный Нигер,
Вот как люди посмели тебя оскорбить!

Ты торжественным морем течешь по
Судану,
Ты сражаешься с хищною стаей песков,
И, когда приближаешься ты к океану,
С середины твоей не видать берегов.

Бегемотов твоих розоватые рыла
Точно сваи незримого чудо-моста,
И винты пароходов твои крокодилы
Разбивают могучим ударом хвоста.

Я тебе, о мой Нигер, готовлю другую
Небывалую карту, отраду для глаз.
Я широкою лентой парчу золотую
Положу на зеленый и нежный атлас.

Снизу слева кровавые лягут рубины,
Это — край металлических странных богов.
Кто зарыл их в угрюмых ущельях Бенина
Меж слоновых клыков и людских черепов?

Дальше справа, где рощи густые Сокото,
На атлас положу я большой изумруд,
Здесь богаты деревни, привольна охота,
Здесь свободные люди, как птицы, поют.

Дальше бледный опал, прихотливо мерцая
Затаенным в нем красным и синим огнем,
Мне так сладко напомнил равнины Сонгаи
И султана сонгайского глиняный дом.

И жемчужиной дивной, конечно, означен
Будет город сияющих крыш, Тимбукту,
Над которым и коршун кричит, озадачен,
Видя в сердце пустыни мимозы в цвету.

Видя девушек, смирных и гибких, как
лозы,
Чье дыханье пьяней бальзамических смол,
И фонтаны в садах и кровавые розы,
Что венчают вождей поэтических школ.

Сердце Африки пенья полно и пыланья,
И я знаю, что, если мы видим порой,
Сны, которым найти не умеем названья,
Это ветер приносит их, Африка, твой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Знаменосец героической поэзии . . .	3
-------------------------------------	---

ЖЕМЧУГА

Жемчуг черный

Волшебная скрипка	15
Одиночество	17
Камень	19
Одержимый	21
Поединок	23
В пустыне	25
Портрет мужчины	26
Основатели	27
Выбор	28
Лесной пожар	29
Царица	31
Товарищ	33
В библиотеке	35
В пути	37
Семирамида	38
Читатель книг	39
Адам	40
Воин Агамемнона	42
В мой мозг	46
Театр	47
Потомки Каина	49
Дон Жуан	50
Попугай	51
Сон Адама	52

Жемчуг серый	Стр.
Возвращение Одиссея	56
Завещанье.	61
Озера	63
Старый Конквистадор	65
Правый путь	66
Орел.	67
Врата рая	69
Колдунья.	70
Вечер	72
У меня не живут цветы	74
Это было не раз	75
Старина.	76
Он поклялся в строгом храме	77
Беатриче	78
Молитва.	81
Капитаны	82

Жемчуг розовый	
Рыцарь с цепью.	88
Заводи	89
Андрогин	90
Кенгуру.	91
Ты помнишь	92
Маэстро	93
Христос.	94
Сказочное	95
Охонта	96
Мне снилось	97
Покорность	98

	Стр.
Уходящей	99
Свиданье	100
Маркиз де Карабас	102
Путешествие в Китай	104
Северный раджа	106

ШАТЕР

Оглушенная ревом и топотом	113
Красное море	114
Египет	117
Сахара	122
Суэцкий канал	126
Судан	128
Абиссиния.	132
Галла	136
Сомалийский полуостров	138
Либерия	140
Мадагаскар	143
Замбези	145
Дамара	148
Экваториальный лес	150
Дагомея	154
Нигер	155

